

Глава 1.

Трансформация семьи и перспективы родительства

§ 1. Проблематизация понятия «семья»

Характерной чертой эпохи индустриализации и урбанизации обществ был распад родственных связей и нуклеаризация семьи, наиболее подробно на Западе описанные В. Гудом⁷, а также и отечественными социологами⁸. В постиндустриальный период наблюдаются дальнейшие трансформации семейного института. Социологи фиксируют процесс размывания поведенческих норм, регулирующих выбор супруга, содержание супружеских и родительских ролей, взаимоотношения поколений. Возрастает влияние индивидуальных регуляторов поведения над нормативными.

Этому процессу в значительной мере способствовало включение женщин во все сферы социальной жизни, возрастание их экономической независимости от мужчин, осознание ими неправопорядка в супружеских взаимоотношениях на фоне приверженности мужчин устоявшемуся распределению гендерных ролей.

Одно из распространенных рассуждений в отношении «кризиса» семьи со стороны «фамилистов» – признание вины

⁷ Good, W. (1963). *World revolution and family patterns*. New York: Free Press. (Здесь и далее зарубежные сноски оформлены по стандарту National Council on Family Relations, Minneapolis, MN)

⁸ Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы. – М.: Статистика, 1978.

женщин и феминистских движений⁹. Но, как было подмечено в феминистской литературе еще в середине 1980-х, часто происходит «путаница между стремлением обоих полов к автономии и индивидуальной свободе и движением за гендерное равенство. Поскольку такое равенство, в том числе в браке, не достигнуто, именно мужчины воспользовались такой свободой для того, чтобы освободиться от традиционных супружеских обязанностей – экономической поддержки семьи, сексуальной верности, эмоциональной преданности»¹⁰.

Другие авторы не связывают «кризис» семьи с гендерным конфликтом, а обосновывают его экономическими факторами. В условиях рынка многие функции семьи выполняются общественными институтами, а брак и супружество представляют в большей мере психологическую ценность. Предполагается также, что в обществе потребления работодатели не заинтересованы в работниках с семейными обязанностями, а рынок услуг нуждается в увеличении числа домохозяйств-потребителей, а не семей¹¹.

Кроме того, получили распространение ценности индивидуализма, гедонизма, потребительства, в ряду которых «брак на всю жизнь», рождение детей не занимают уже прежнего места. Для определенной части, по крайней мере, городского населения профессиональная и личностная самореализация становятся более важными, нежели семья.

В отличие от западных стран несовершенство государственной статистики России не позволяет отследить динамику ряда важных структурных показателей семей. Но, и

⁹ Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. – М.: «Грааль», 2000.

¹⁰ Szinovacz, M. (1984). Changing family roles and interactions. In M. E. Szinovacz (Ed.), *Women and the family: Two decades of change*. Haworth Press, 1984, P. 187.

¹¹ См. например: Williams. J. (2000). *Unbending gender: why family and work conflict and what to do about it*. New York : Oxford University Press.

судя по имеющимся демографическим данным (см. табл.1), а также

Таблица 1

Динамика демографических показателей в РФ

Показатели	Годы				
	1979	1989	1991	1996	2001
Число рождений, на тыс. населения	15.9	14.6	12.1	8.9	9.1
Удельный вес внебрачных рождений, %	10.8	13.5	16.0	22.9	28.8
Число браков, на тыс. населения	10.6	9.4	8.6	5.9	6.9
Удельный вес повторных браков, %	17.2	26.5	25.4	28.0	–
Число разводов, на тыс. населения	4.4	4.1	4.3	4.4	5.3

Источники: Демографический ежегодник России: Стат. сб. – М.: Госкомстат, 1999; Демографический ежегодник России: Стат. сб. – М.: Госкомстат, 2002.

отдельным выборочным исследованиям, которых, правда, в последнее десятилетие крайне мало, можно предположить, что и в России идет процесс нарастания многообразия в организации частной жизни. В то же время «общецивилизационные», глобальные тенденции в России, несомненно, имеют свою специфику, обусловленную кризисными социально-экономическими условиями. Существование в России доиндустриального, индустриального и постиндустриального укладов имеет следствием необычайное разнообразие типов семейных взаимоотношений. Значительно различаются столичные города и провинции, свои особенности имеют этнические территориальные образования. Развитие некоторых тенденций тормозится за счет вынужденных обстоятельств: например, даже нуклеаризация семьи в советское время была,

в известной мере, плановым явлением (очередь на жилье), а в 1990-е годы разделение расширенных семей, разведенных супругов, создание молодых семей часто просто невозможны из-за материальных проблем. Деструктуризация экономики повлекла за собой безработицу, как среди женщин, так и мужчин. Причем многие мужчины оказались дезадаптированы к изменениям, что на фоне устоявшихся представлений о разделении супружеских ролей приводит к гендерному дисбалансу на брачном рынке, неуспешности супружества.

На Западе, по мере изменения организации частной жизни людей, происходит и пересмотр самого понятия «семья». Противопоставление «семья» – «нетрадиционные семейные формы», активно употреблявшееся вплоть до начала 80-х годов, не отражало реальных практик, когда уже и «традиционная семья» стала весьма многообразной.

Классическое определение «семьи» меняется и в России. Родоначальник советской социологии семьи А.Г. Харчев считал, что «семью можно определить как исторически конкретную форму взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения»¹². Понятно, что такое определение, как и в структурном функционализме, было идеологической конструкцией или идеальной моделью семьи.

Близкое, по сути, определение семьи, предполагающее наличие всех трех типов отношений – супружества, родительства, родства, – формулирует и А.И. Антонов. Все другие структурные типы он называет – «осколочными»¹³. Главный признак «семьи» в этом определении – наличие обоих

¹² Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль. 1979. – С. 75.

¹³ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 66.

биологических родителей и детей. С.И. Голод пишет: «я склонен рассматривать семью как совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства»¹⁴. Автор, решительно против «правомочности» гомосексуальных семей. В.В. Солодников, выделяет семьи с «дезадаптированной количественной структурой», к которым, в частности, относит и многодетные семьи¹⁵. Однако, с такой точкой зрения вряд ли согласились бы многие авторы. Таким образом, даже «объективные» научные представления о структуре семьи различаются.

Д. Олсон и Дж. ДеФрейн, известные американские специалисты, определяют семью как: «Двое или более людей, которые принимают на себя обязательства по отношению друг к другу и которые разделяют интимность, ресурсы, принятие решений и ценности»¹⁶. Очевидно, что такое определение предполагает самые разные типы отношений и основано в большей мере на семейной идентичности, а не на объективных показателях. То есть «семья» с субъективной точки зрения подразумевает тех людей, которых сам человек в нее включает, имея в виду, что это «моя семья». Она не обязательно основана на браке, не обязательно подразумевает детей или родственников, проживающих в одном домохозяйстве. При анонимном анкетировании подростков-девятиклассников (исследование I) обнаружилось, например, что те, кто проживал вместе с ними в одной квартире, и те, кого они включали в свою семью, могли быть разными людьми. То, что подростки подразумевали под семьей, не укладывалось в научные определения. Так, в состав семьи они

¹⁴ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб.: «Петрополис», 1998. – С. 91.

¹⁵ Солодников В.В. Социально-дезадаптированная семья в современном обществе. – Рязань: «Пресса», 2001. – С. 78.

¹⁶ Olson, D.H., DeFrain, J. (1997). *Marriage and the family: Diversity and strengths*. Mountain View, CA: Mayfield, P. 9.

включали отцов, с которыми матери были разведены, бабушек, дедушек и других родственников, проживавших в других городах, кошек и собак, но могли не считать членом своей семьи отчима, сводного брата/сестру.

Таким образом, «семья» может полностью совпадать с домохозяйством. Семья может включать несколько отдельных домохозяйств, что достаточно типично для России, когда родители и дети поддерживают тесные психологические и экономические связи с бабушками/дедушками, проживающими в другой квартире или в деревне¹⁷ или, например, «материнские семьи» с приходящим отцом ребенка. Одно домохозяйство может включать несколько семей.

На Западе получило распространение сознательное раздельное проживание супругов, нередко в разных городах и даже странах. Партнеры могут состоять или не состоять в юридическом браке, могут иметь или не иметь общего ребенка. Такая форма отношений европейскими специалистами обозначена как LAT («living apart together» – порознь, но вместе), то, что прежде называли визитным браком. Считается, что, как и сожителство, эта форма семьи является новым социальным институтом и может получить в будущем широкое распространение, в частности, среди супругов-профессионалов¹⁸. В России, подобные типы семейных отношений, вероятно, тоже практикуются. В связи с географической диспропорцией на рынке труда супруги бывают вынуждены уезжать на заработки в другой регион или даже страну, и жить в разных домохозяйствах. Конкубинат¹⁹ (или «современное многоженство») вариант частичного совпадения домохозяйства и семьи (пока никто не ввел

¹⁷ Та ситуация, которую в 1970-е годы ленинградские ученые В.Л. Ружже, И.И. Елисеева, Т.С. Кадибур назвали семейными группами.

¹⁸ Trost, J. (1998). LAT relationships now and in future. In K. Matthijs (Ed.), *The family: Contemporary perspectives and challenges*. Leuven University Press, P. 210.

¹⁹ См.: Голод С.И., 1998.

понятие для подобного варианта современного многомужества). В то же время, в одной квартире могут проживать несколько семей, которые ни экономически, ни психологически не связаны между собой. То есть, совместное проживание уже не входит в число обязательных признаков семьи.

В западной литературе термин «семья» уже более двух десятилетий используется во множественном числе – «семьи», подразумевая множественность способов организации частной жизни женщин и мужчин. Хотя и зарубежные ученые пытались сохранить некое единообразное этого понятия. Например, предлагалось сузить его содержание до «общности, где есть зависимые члены – несовершеннолетние, инвалиды или беспомощные пожилые люди»²⁰. Однако, представителям разных направлений договориться, похоже, так и не удалось.

Мною уже предпринималась попытка сформулировать критерии для выделения структурных типов семей²¹, с той целью, чтобы исследователи могли использовать единые термины. Но эти предложения не закрепились в научной лексике и не стали предметом научной дискуссии, за исключением работ С.И. Голода.

На мой взгляд, часто под семьей в отличие от домохозяйства исследователи фактически подразумевают только нуклеарную единицу – родителей и несовершеннолетних детей. В конце концов, уже не так важно, как устраивают свою жизнь взрослые люди, важно, где воспитываются дети. Представляется логичным и необходимым сделать попытку классификации семей, в которых проживают несовершеннолетние дети, по критерию «комплектности» родителей и их биологической или юридической связи с детьми. Перечислю такие условные типы.

²⁰ Popenoe, D. (1993). American family decline, 1960-1990: A review and appraisal. *Journal of Marriage and the Family*, 55 (3).

²¹ Гурко Т.А. Трансформация института семьи: постановка проблемы // Социол. исслед. – 1995. – N 10.

В *нормативных, нормальных²², биологических, первобрачных семьях (intact families)* ребенок (дети) воспитывается обоими супругами, состоящими в первом браке, и у супругов нет помимо данного ребенка других родительских обязательств. За неимением более подходящего термина, далее я буду называть такие семьи первобрачными. В литературе их иногда ошибочно называют традиционными или нуклеарными, что, очевидно, не одно и то же. Традиции (также как и нормы) были разными, и, кроме того, понятие «традиционная» чаще означает не столько структуру, сколько характер отношений между супругами, родителями и детьми. Нуклеарными (состоящими из двух поколений) или полными (наличие супружеской пары) являются и сводные (вновь созданные) семьи, и, таким образом, эти названия не отражают суть того, что подразумевается. В первобрачной, нормативной семье – оба родители биологические. Кроме того, такая семья может быть основана на первом браке «одинокой» матери с мужчиной, усыновившим ее ребенка и не имевшим до этого родительских обязательств, или, например, на браке женщины, не имевшей детей, с вдовцом, и усыновившей его ребенка (детей).

Анализируя *семьи с одним родителем (one parent families)* важно различать источник их формирования. *Семьи внебрачных или незамужних (unmarried), разведенных (divorced) и вдовых (widowed) матерей (материнские семьи²³)* существенно различны, в частности, и в отношении возможностей и реального участия отца в материальной поддержке и контактов с детьми²⁴. Часть их – это, вероятно, *незарегистрированные браки (сожительства), или «конкубинат»*, в том числе как отношения матери с биологическим отцом ребенка, который в свою очередь

²² Этот термин я впервые встретила в монографии В.Н. Дружинина.

²³ Этот термин иначе употребляет С.И. Голод.

²⁴ Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1992. – С. 5.

юридически не установил отцовства. О численности таких сожителств обычно косвенно судят на основании показателя регистрации внебрачных детей по совместному заявлению матери и отца. В 2001 г. 48% всех «юридически» внебрачных детей были зарегистрированы обоими родителями. Следует проводить такие же различия при изучении *отцовских семей, которые могут образоваться в результате развода, овдовения, а, возможно, и внебрачного рождения ребенка.*

Западные ученые вводят понятие *бинуклеарной семьи (binuclear families)*²⁵. В данном случае подчеркивается тот факт, что развод разрывает брак, но не семью. Расторгаются отношения между женой-мужем, но не обязательно между матерью и отцом, матерью и детьми или отцом и детьми. Бывшие мужья и жены могут продолжать общаться друг с другом и с детьми, хотя уже по-другому. В семьях с совместным опекуном (равное участие разведенных супругов в воспитании ребенка) материнские и отцовские семьи могут быть одинаково важны для детей. В то же время отцовский или материнский «вклад» может быть минимален, когда один из родителей практически не поддерживает отношений с детьми.

Сводными называют те семьи (*stepfamilies*), в которых жена или муж уже имели ребенка до заключения брака. Ребенок от предыдущего брака (включая нерегистрируемые) не обязательно проживает в новой семье, но имеются в виду юридические обязательства, которые сохраняются за мужем или женой по его (её) воспитанию. Если же ребенок живет в новой семье, то один из супругов приходится ему отчимом или мачехой. По сложности структуры такие семьи варьируют от вдовы с ребенком, вышедшей замуж за холостяка, до пары, в которой каждый из «новых» супругов уже состоял в браке и каждый имеет детей. Таким образом, сводные семьи – явление

²⁵ Strong Br., DeValt Ch. & Sayad B. (1998). *The marriage and family experience: Intimate relationships in a changing society*. Belmont, CA: Wadsworth, P. 533.

крайне разнородное. Судя по статистике разводов и повторных браков в России (см. табл. 1) удельный вес сводных семей в общем числе семей с детьми несовершеннолетнего возраста достаточно велик. Кроме того, число таких семей возрастает за счет заключения браков незамужними матерями и нерегистрируемых браков не с отцом ребенка.

Семьи с усыновленными (удочеренными) детьми, без обоих биологических родителей (adoptive families) также получают распространение в России. В 2001 г. всего на усыновлении находились 154214 детей (для сравнения в 1991 г. – 131183)²⁶. Хотя большая часть из них усыновляется отчимами (мачехами) в сводных семьях, значительная доля усыновленных детей воспитывается обоими небιологическими родителями.

В *приемных семьях без родных детей (foster families)* в 2001 г. в России проживало 5200 детей, а всего таких семей насчитывалось 2440²⁷. Согласно ст. 151-153 Семейного Кодекса приемные семьи образуются на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание, подбор родителей осуществляется органами опеки и попечительства. Оплата труда и льготы приемным родителям регулируются законами субъектов Российской Федерации.

В России широкое распространение получили *опекунские семьи (custodial families)*. Если в 1991 г. 180334 ребенка находились под опекой, то в конце 2001 г. – 347473 ребенка²⁸, и это на фоне резкого снижения рождаемости. Опекунами чаще всего являются бабушки или другие родственники, фактически возлагающие на себя и функции родителей, не выполняющих своих обязанностей.

На Западе дети проживают иногда и в *гомосексуальных парах (same sex couples or same sex marriages)*, которые в свою

²⁶ О положении детей в РФ. Государственный доклад. – М., 1996. – С. 105; О положении детей в РФ. Государственный доклад. – М., 2002. – С. 103.

²⁷ О положении детей в РФ, 2002. – С. 43.

²⁸ О положении детей в РФ, 1996. – С. 105, О положении детей в РФ...2002. – С. 103.

очередь могут быть как семьями усыновителей, так и сводными семьями. Возможно, это происходит и в России, но только в незарегистрированных браках.

Понятно, что перечисленные типы семей можно классифицировать и по другим критериям, например, они могут быть многодетными, входить в разные типы домохозяйств, скажем, расширенные, включающие представителей старших поколений или других родственников.

Помимо сложности классификации «статических» семейных структур, возникает проблема «динамической» оценки, т.е. изучения распространенности типичных индивидуальных брачно-семейных путей. Сначала социологи семьи, использовали понятие «жизненного цикла семьи» (*family life cycle*), введенное американскими учеными, основоположниками развивающего подхода (*development approach*), Эв. Дувал и Р. Хиллом. В качестве нормативной структуры принято рассматривать семью с детьми, родившимися в браке, а в качестве «нормативной динамики» – брак на всю жизнь, иначе говоря, завершенный семейный цикл. Нормативный цикл предполагает добрачное ухаживание, вступление в брак, адаптацию супругов, рождение ребенка, принятие родительских ролей, рождение последующих детей, стадию «пустого гнезда», когда последний ребенок покидает родительский дом, вдовство одного из супругов. Уже в 1970-х годах понятие «жизненного цикла» подверглось критике со стороны европейских социологов, в частности Ж. Троста, как не соответствующего многообразной социальной реальности. В результате, в 1980-х гг. появилось понятие «семейный жизненный путь» (*family life course*), подразумевающее необязательность нормативных событий в жизни семей и индивидов.

Вариативность семейных жизненных путей также одна из особенностей постиндустриальной эпохи. Представители постмодернизма подчеркивают, в частности, что в

«индивидуализированном» обществе люди проживают более динамичные жизненные биографии²⁹. (Россия также, возможно, уже «в пути» к «индивидуализированному» обществу.) Одним из факторов такой динамики является глобализация и сопутствующая ей миграция. Индивидуальные различия брачно-семейных жизненных путей зависят от многих факторов: места рождения, образования, социального статуса, этничности, пола, личностной мотивации и т. д.

В американской литературе получил распространение термин «последовательная полигамия» (или «серийная моногамия»), под которым имеется в виду последовательная смена брачных партнеров. До недавнего времени больше шансов вступить в повторный брак было у мужчин и женщин, не имевших детей. Но ситуация меняется. Наличие у потенциальной невесты ребенка уже не является, как прежде, препятствием для потенциальных женихов. Судя по брачным объявлениям, по крайней мере, мужчины часто предпочитают или не возражают иметь в новом браке «готового» ребенка.

Семья с одним родителем часто является лишь временным, переходным состоянием, особенно для молодых женщин. Обстоятельства, которые приводят к формированию такой семьи, различны, также как и структура семьи, и круг ее общения. Наиболее распространенные сценарии, например: брак, родительство, развод, одинокое материнство с разной степенью участия биологического отца, повторный брак (сожитительство) – «сводное» родительство, повторный развод или вдовство. Для тех, кто не был замужем во время рождения ребенка: встречи/сожитительство, одинокое родительство, брак – «сводное» родительство, вдовство. Хотя многие незамужние матери в дальнейшем в брак так и не вступают. Исследования типичных историй внебрачных матерей и их детей на Западе, в частности, свидетельствуют о межпоколенческой трансляции

²⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-традиция, 2000; Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: «Логос», 2002.

таких практик (то что, в 1980-е годы называли эффектом снежного кома)³⁰.

В середине 1990-х в 24 западных и восточно-европейских странах по сходной выборке и методике проведено исследование брачных и репродуктивных историй женщин и мужчин, которое позволяет описать наиболее типичные пути и их различия в разных странах. К сожалению, Россия не была включена в этот проект³¹.

Снижение возраста начала сексуальных отношений на фоне сокращения числа браков также влияет на «нормативное» развитие семьи. Понятие «добрачного поведения», например, утрачивает свой смысл, т.к. часто брак откладывается на неопределенное время. Иногда в качестве компенсации отсроченного брака или как «пробный брак» выступают сожителства. Опрос студентов в Москве и Чебоксарах в 2002 г. показал, что и идея «брака на всю жизнь» уже не популярна в столице, но еще привлекает жителей провинции. Спектр причин для потенциального развода широк, а сам по себе развод не воспринимается потенциальными супругами как экстраординарное событие, а лишь как возможный этап брачного сценария³². В России последнего десятилетия разнообразие в нормативный семейный путь вносит возможность свободного перемещения внутри страны, а также выезд на постоянное проживание за рубеж. Например, российские женщины (реже мужчины) все чаще находят супруга за границей, в том числе и по причине гендерного

³⁰ Bertaux, D. & Delcroix C. (1992) Where have all daddies gone? In U. Bjornberg (Ed.), *European parents in the 1990s: Contradictions and comparisons*. New Brunswick & London: Transaction Publishers; Aquilino, W. S. (1996). The life course of children born to unmarried mothers: childhood living arrangements and young adult outcomes. *Journal of Marriage and the Family*, 58 (3).

³¹ Festy P., Prioux Fr. *An Evaluation of the Fertility and Family Surveys Project*. N.Y., Geneva: United Nations, 2002.

³² Куколев Д.Н. Представления молодежи о будущей семейной жизни. Дипломная работа. – М.: Ф-т социологии ГУГН, 2002.

дисбаланса на брачном рынке³³. Таким образом, расширяется не только вариативность семейных структур, но и их представленность в индивидуальных жизненных путях.

§ 2. Теоретические предпосылки для анализа гендерных аспектов родительства

Биологический половой диморфизм изначально предназначен для физического воспроизводства, но в большинстве культур женская функция биологического деторождения жестко привязывается и к социальному воспроизводству, особенно к уходу за детьми, а также к социальной конструкции «женского» в целом. Именно «материнские обязанности» выступают основным аргументом дискриминации женщин и разделения труда по признаку пола в публичной сфере, по инерции распространяясь даже на женщин, не имеющих детей, или тех, которые эти обязанности уже выполнили. С другой стороны, поскольку уход и воспитание детей предписывается женщинам, данная сфера деятельности не считается престижной. Не только в семье, но и на уровне других социальных институтов социализации детей, мужчины в меньшей мере вовлечены в уход за детьми и взаимодействие с ними.

Чем обосновывается разделение родительских ролей, каковы перспективы материнства и отцовства в условиях трансформации семьи?

В *классических социологических* теориях разделение материнской и отцовской ролей, так же как и супружеских обязанностей обосновывалось преимущественно

³³ *Иншакова С.В.* Особенности выбора супруга в современных условиях (на примере браков с иностранцами). Дипломная работа. – М.: Ф-т социологии ГУГН, 2003.

необходимостью разделения труда по полу. Родоначальник структурного функционализма Э. Дюркгейм считал, что, «супружеская солидарность» возникает на основе разделения труда между полами. В те же периоды развития обществ, когда «оба пола были слабо дифференцированы» существовали «материнские» семьи, в которых «отношения между детьми и матерью очень определены, но отношения между супругами весьма слабы. Они могут быть прекращены, как только стороны захотят этого, или даже заключаются на определенное время»³⁴. Надо полагать, что и отношения отцов с детьми также были неопределенны. По мере того, как «половой труд все более разделялся», отмечает автор, «две значительные функции психической жизни как бы диссоциировались, один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой интеллектуальными». По мнению Дюркгейма, если разделение труда «регрессирует ниже известной точки...брачное сообщество исчезнет, уступив место лишь весьма эфемерным половым отношениям; если бы полы совсем не разделились, не возникло бы целой формы общественной жизни»³⁵.

Не наблюдаем ли мы сегодня подтверждения этой гипотезы? Если следовать логике автора, то кризис моногамного брака, сопровождающийся ростом материнских семей и ослаблением отцовского участия, возможно, в значительной мере обусловлен универсализацией гендерных ролей.

По мнению теоретиков эпохи индустриализации и распространения семей с «комплиментарным» разделением ролей среди представителей среднего класса на Западе, например, Т. Парсонса и Р. Бейлса, содержание «функций» отцов и матерей различно. Первые должны создавать материальную базу для воспроизводства и социализации,

³⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии. – М.: Наука, 1991. – С. 60.

³⁵ Там же, – С. 62.

матери же должны выполнять экспрессивные функции: создавать домашний комфорт, ухаживать за детьми, обеспечивать эмоциональную поддержку членов семьи³⁶. Но уже Р. Мертон подверг критике эту концепцию. Он предложил типологию "девиантного поведения" мужей и описал различные причины отклонения их поведения от предписанной роли добытчика и отца³⁷.

Э. Фромм в известной книге «Искусство любить», написанной в 1956 г., обосновывает разницу в материнской и отцовской любви. По его мнению, материнская любовь безусловна, мать любит ребенка за то, что он есть. Такую любовь «не нужно заслуживать, тем более ее нельзя контролировать». Отцовская любовь – это обусловленная любовь. «Отец представляет собой другой полюс человеческого существования, где – мысли, вещи, созданные человеческими руками, закон и порядок, дисциплина, путешествия, приключения. Отец – это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в большой мир. С этой отцовской функцией тесно связана и другая, которую можно назвать социально-экономической». В отношении мальчиков это означает «передачу собственности лучшему из них, заслужившему отцовскую любовь»³⁸.

Постепенно женщины начинают успешно осваивать публичную сферу, «дорогу в большой мир» наравне с мужчинами, и «инстинктивность» материнства становится предметом обсуждения. К наиболее распространенным теориям, в которых обсуждаются проблемы родительства, можно отнести: феминистские, биосоциальные, социальный конструктивизм и пост-структурализм.

³⁶ Parsons, T. and Bales, R. (Eds.), (1955). *Family, socialization and interaction process*. Glencoe, IL: Free Press, P. 23.

³⁷ Merton R.K. (1957). *Social theory and social structure*. Glencoe, IL: Free Press, P. 140.

³⁸ Фромм Э. Искусство любить. – М.: Педагогика, 1990. – С. 59.

Представительницы *феминизма* проблематизируют родительские роли в разных аспектах, в зависимости от своей принадлежности к определенному течению и культурно-исторического контекста³⁹.

А. Коллонтай в русле идеологии марксизма представляла, что, поскольку оба родителя вынуждены работать, воспитание детей должно стать «делом государства». Она всячески ратовала за коллективные формы воспитания и ухода за детьми. Особенно важной такая помощь представлялась для «одиноких, брошенных девушек-матерей, покинутых жен с младенцами на руках»⁴⁰. В будущем, считала она, не будет места абортам, рождение детей станет не личным выбором, а общественным долгом, беременные и кормящие матери будут под защитой государства. Кроме того, из любви матери только к своему ребенку должна вырасти любовь матерей ко всем детям. Вопрос об отцовстве в марксистском феминизме фактически не ставился. Хотя сама А. Коллонтай, после развода с мужем, отдала дочь ему на воспитание, что было еще совсем нетипично для того времени.

Либеральный феминизм был изначально критичен к доминирующей идеологии материнства. Б. Фридан, например, привлекла внимание к опытам матерей, представительницам среднего класса с высшим образованием, вынужденных все время проводить дома с детьми и не имеющих возможности реализовать себя в профессиональной сфере⁴¹.

Не отрицая важности материнства, представительницы этого направления требовали справедливого распределения между супругами домашнего труда и обязанностей по уходу за детьми. Они боролись также за создание государственных мер

³⁹ См. подробнее: *Гурко Т.А.* Лекция 21. // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. / Под общ. ред. О.А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001.

⁴⁰ *Коллонтай А.* Семья и коммунистическое государство. – Москва, Петроград, Н.Новгород: Тип. Т-ва Кушнерев и К., 1918. – С. 8.

⁴¹ *Фридан Б.* Загадка женственности. – М.: Прогресс, 1994.

помощи работникам с родительскими обязанностями, включая финансирование детских учреждений, предоставление гибкого графика работы, равных прав на отпуск по уходу за ребенком обоим родителям⁴². Критики же этого направления считали, что капиталистическая система не станет приспосабливаться к потребностям женщин, а мужчины явно без энтузиазма будут включаться в сферу, которую и сами феминистки считают «не приносящей удовлетворения». Эта идея воплотилась в требование особых прав женщин, основанных на выполнении ими репродуктивной функции⁴³.

В начале 1970-х социолог А. Оэкли подвергла сомнению мифы, окружающие институт материнства, согласно которым «все женщины испытывают потребность быть матерями, все женщины нуждаются в своих детях, все дети нуждаются в своих матерях»⁴⁴. Она показала, что существуют кросс-культурные и исторические вариации в организации заботы о детях. Хотя, писала она, неизвестно таких обществ, где отцы выполняли бы большую часть ухода за детьми, они все же в разной степени выполняли этот труд, и часто уход осуществляется коллективно женщинами, мужчинами, братьями и сестрами, бабушками и дедушками или нянями. Существующие мифы играют важную роль в укреплении невыгодной социальной позиции женщин, а также способствуют усилению их зависимости от мужчин. Материнство должно быть делом выбора, и женщины должны иметь возможность заниматься другими видами деятельности – дополнительно или вместо рождения и воспитания детей.

В радикальном течении материнство рассматривается с разных, иногда противоречащих друг другу точек зрения.

⁴² См. например: Okin, S.M. (1989). *Justice, Gender and the Family*. New York: Basic Books.

⁴³ Цит. по: Брайсон В. Политическая теория феминизма / Пер. с англ. Ред. Т.А. Гурко – М.: Идея-Пресс, 2001. – С. 188.

⁴⁴ Oakley, A. (1974). *Woman's work: The housewife, past and present*. New York: Pantheon Books, P. 186.

Крайние взгляды на репродуктивную функцию женщин были сформулированы С. Файерстоун в работе «Диалектика пола» (1970). По ее мнению, рождение и выращивание детей вместе с сопутствующими собственничеством и эмоциональным манипулированием психологически вредны как для матери, так и для ребенка. Искусственное внутриматочное воспроизводство рассматривалось ею как основа женского освобождения. Другие представительницы этого направления, наоборот, выражали опасение, что новые репродуктивные технологии позволят мужчинам установить еще более надежный контроль над женщинами. Так, суррогатное материнство будет использоваться для эксплуатации женщин третьего мира или бедных женщин, которые по-настоящему не смогут реализовать себя в роли матери⁴⁵.

А. Рич полагает, что институт материнства «сконструирован» в патриархатных обществах так, чтобы угнетать женщин. Она показывает расхождение реальных опытов материнства с идеологией материнства, навязываемой женщинам. Мужчины-эксперты на протяжении истории контролировали рождаемость, аборт, родовспомогательную деятельность, формулировали советы женщинам как лечить детей, ухаживать за ними. Они создавали идеализированные образы матерей, которым было крайне сложно следовать на практике. Положительные образы «матерей» не могут быть приравнены к реальным опытам. Потенциал женщин в качестве матерей может быть реализован, по ее мнению, только тогда, когда «женщины будут сами способны определять собственные жизни»⁴⁶. Она также делает акцент и на положительные ценности, связанные с материнством.

С. Раддик вслед за К. Гиллиган считает, что различные способы мышления мужчин и женщин обусловлены выполняемой ими работой. Однако, вопреки обвинениям

⁴⁵ Цит. по: *Брайсон В.*, 2001. – С. 214, 215.

⁴⁶ Rich, A. (1977) *Of Woman born: Motherhood as experience and institution*. New York: Bantam, P. xv.

некоторых критиков, она не утверждает, что женщины обладают неким естественным нравственным превосходством или пацифизмом, обусловленными их ролью «биологических производителей». Не отрицает она и того, что многие женщины пренебрегают своими детьми или издеваются над ними. «Приписываемые женщинам качества могут быть присущи и мужчинам, поскольку не только женщины способны на «материнство»⁴⁷.

В рамках психоаналитического феминизма К. Хорни комплексу зависти женщин к пенису противопоставляет зависть мальчиков и мужчин к материнству. «А ведь чисто с биологической точки зрения, в материнстве или способности к нему женщина имеет неоспоримое, но почему-то не принимаемое в расчет, физиологическое преимущество»⁴⁸. Одновременно она описывает и материнские конфликты, сопряженные с таким «преимуществом». Другие авторы этого направления проблематизировали возложение родительской обязанности исключительно на женщин с точки зрения формирования идентичности девочек и мальчиков. Так, по мнению Н. Чодоров отделение от матери является более важным и одновременно более трудным для мальчиков, чем для девочек. Базовая потребность мужчин доминировать над женщинами вытекает из необходимости в раннем детстве противопоставить себя матери и подавить свою привязанность к ней. Обобщая данные исследований, она показывает, что «асимметричная организация родительской заботы, при которой воспитательная роль принадлежит женщине, является основной причиной значительных контрастов между процессами женской и мужской идентификации»⁴⁹. Девочки

⁴⁷ Ruddick, S. (1982). *Maternal thinking: toward a politics of peace*. Boston: Beacon, цит. по: *Брайсон В.*, 2001. – С. 217.

⁴⁸ Хорни К. Женская психология. – СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 1993. – С. 31.

⁴⁹ Чодоров Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола. гл.11-12. // Антология гендерной теории. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 30.

становятся матерями, поскольку имеют образец для подражания. Мальчики же не приучаются заботиться о других, поскольку этого не делает отец. Сходную позицию высказывает Д. Диннерстайн⁵⁰. Зависимый ребенок воспринимает свою мать как «всемогущую», а не как человека, имеющего свою собственную жизнь. В результате у мужчин формируется потребность контролировать женщин и ненависть к ним. Выход видится в активном участии отцов в уходе за девочками и мальчиками на ранних стадиях их развития. В 1990-е годы Н. Чодоров и другие авторы этого направления принимают постструктуралистскую парадигму, подтверждая существование множества фемининностей и маскулинностей, детерминированных не только отношениями в детстве, но и активно формируемых через культуру и язык. Собственные жизненные опыты, чувственное взаимодействие с миром, наблюдения за опытами других, взаимоотношения с другими людьми существенно опосредуют влияние отношений с родителями в детстве на формирование гендерной идентичности.

Биосоциальный подход к родительству включает в анализ биологические различия, которые, как предполагается, также меняются под влиянием социальных условий. Так, А. Росси считает, что дифференциация по полу это «не просто результат социализации, продукт капитализма или патриархата, она основана на половом диморфизме, который служит фундаментальной цели репродукции»⁵¹. Единицы социологического наблюдения, такие как роли, группы, классы игнорируют тот факт, что субъекты изучения – это мужские и женские особи с генами и плотью, занимающие определенную экологическую нишу определенного вида. За редким исключением, взаимная привлекательность различий между

⁵⁰ Dinnerstein, D. (1976). *The mermaid and minotaur*. London: Souvenir.

⁵¹ Rossi, A. (1984). Gender and parenthood. *American Sociological Review*, 49 (1), P. 10.

мужчинами и женщинами является существенной составляющей большинства культур.

Если родительские стили мужчин и женщин построены на принципе полового диморфизма, тогда, считает она, возрастание мужского участия в уходе за маленькими детьми не повлечет за собой того эффекта, который предполагала Н. Чодоров. По мнению А. Росси, согласно исследованиям “одинокого отцовства” и “эгалитарных отцов”, тех, которые наравне с матерями ухаживают за детьми, мужчины привносят в родительство «маскулинность», а женщины – «фемининность». Поэтому участие отца в воспитании, скорее, усилит различия по полу или расширит диапазон характеристик как у сыновей, так и у дочерей (т.е. они будут более андрогинными).

Сторонники этого подхода не отрицают, что существуют культурные вариации участия отца в воспитании детей. Но исследования, проведенные в доиндустриальных (например, африканских) и постиндустриальных (США, Швеция, Израиль) странах обнаруживают больше сходства, нежели различия в степени участия отцов в сравнении с матерями⁵².

Одно из направлений анализа – связь между принятием решения о рождении ребенка и гормональной спецификой. Так, например, исследование женщин в возрасте 27-30 лет позволило ученым в США сделать допущение, что базальный уровень тестостерона связан с «нетрадиционным» поведением. Под таким поведением они подразумевают отказ от брака, детей, а в случае наличия ребенка меньшую вовлеченность в уход за ним⁵³. Одновременно авторы допускают, что связь может быть и обратной – соревновательное, агрессивное, независимое поведение может стать причиной увеличения

⁵² Geary, D.C. (1998). *Male, female: The evolution of human sex differences*. Washington, DC: American Psychological Association, P. 101.

⁵³ Booth, A., Carver K. & Granger, D.A. (2001). Biosocial perspective on the family. In R.M. Milardo (Ed.) *Understanding families into the new millennium: A Decade in Review*. Minneapolis, MN: NCFR.

уровня этого гормона. То есть, вероятно, «количество» опыта переходит со временем в новое «качество» пола. Одновременно, исследователи отмечают, что пока неизвестно, влияют ли какие-либо гормоны на желание мужчин иметь детей и ухаживать за ними.

Биосоциальный подход используется при интерпретации данных исследований родительства. Например, ученые из США выявили, что насилие и злоупотребления в отношении детей небιологическими родителями в сводных семьях в 40 раз чаще, чем в семьях с обоими биологическими родителями. Контролировались такие переменные, как социально-экономический статус, возраст, размер семей, этничность⁵⁴. Факты насилия объяснялись отсутствием генетических связей между родителем и ребенком. Можно предположить, что статус «неродного» родителя может в свою очередь провоцировать агрессивное поведение. Сложные диалектические связи между биологическим и социальным не поддаются простым измерениям.

Гендерный подход в постмодернистском варианте феминизма предполагает *социальную сконструированность* самих понятий «материнство» и «отцовство». Поведение родителей мужчин и женщин считается различным не вследствие «биологического инстинкта», а в силу того, какое значение в культуре предписывается этим особенностям⁵⁵. По мнению феминистских авторов, эти различия конструируются для того, чтобы поставить женщин-матерей в невыгодное положение. Представители этого направления задаются вопросом: кто есть мать и что значит материнская роль? И отвечают, что в большинстве обществ это в первую очередь не

⁵⁴ Цит по: Troost K.M., Filsinger, E. (1993). Emerging biosocial perspective on the family. In P.G. Boss., W.J. Doherty, R. LaRossa, W.R. Schumm, S.K. Steinmetz (Eds.), *Sourcebook of family theories and methods*. New York: Plenum Press, P. 694.

⁵⁵ Risman, B. (1987). Intimate relationships from a micro-structural perspective: men who mother. *Gender and Society*, 1, P. 31.

престижная и неоплачиваемая работа по уходу за детьми, что является свидетельством гендерной (то есть властной) основы разделения труда. В идеале, предполагается, что «отцов» в социальном значении этого слова вообще не должно быть, «как и людей любого пола, которые имеют власть над жизнями детей и моральный авторитет в их детском мире... Это будут матери обоих полов, которые разделяют заботу о детях – практически, эмоционально, экономически и социально»⁵⁶.

Необходимо подчеркнуть, что работы феминистских авторов наиболее влиятельны при проведении эмпирических исследований материнства. Особое внимание в 1990-е годы уделялось вариативности материнских практик в зависимости от этнической принадлежности, социального класса, сексуальной ориентации. По-прежнему актуальной является тема совмещения женщинами родительских обязанностей с оплачиваемой работой⁵⁷.

Изучение материнства в рамках «исследований женщин» и признание материнства «социальной конструкцией» инициировало на Западе и изучение отцовства как одного из направлений в «исследованиях мужчин». Социально-конструктивистский подход к феномену отцовства предполагает анализ символов и культурных образов отцовства. Исторический анализ Дж. Плека продемонстрировал, что в США, например, хотя образ отца, и ассоциировался преимущественно с ролью «добытчика», присутствовали и другие образы. При этом изменения во взглядах на «культуру отцовства», отмечает Дж. Плек, были во многом обусловлены пересмотром представлений об институте материнства: от идеала матери-домохозяйки второй половины XIX в. – первой половины XX в., безраздельно

⁵⁶ Katz-Rothman, B. (1992). *Fathering as a relationship*. In M.S. Kimmel, M.A. Messner (Eds.), *Men's Lives*. New York: Macmillan, P. 538.

⁵⁷ Arendell, T. (2001). *Conceiving and investigating motherhood: a decade's scholarship*. In R.M. Milardo (Ed.) *Understanding families into the new millennium: A Decade in Review*. Minneapolis, MN: NCFR.

посвящающей себя детям, до признания в конце XX века прав женщин на профессиональную деятельность. Он выделяет, по меньшей мере, четыре этапа в развитии «американского отцовства».

Отец как:

- авторитарный духовный и религиозный наставник (XVIII – начало XIX вв.);
- отстраненный от семьи добытчик средств (начало XIX – середина XX вв.);
- модель для формирования идентичности по признаку пола (1940 – 1965 гг.);
- «новый» отец, который ухаживает за детьми, интересуется их проблемами, а также занят в общественном производстве, зарабатывая деньги на их содержание (с конца 1960-х)⁵⁸.

Другой известный американский специалист по изучению отцовства Р. ЛаРосса отмечает, что, культурные образы меняются быстрее, нежели реальное поведение. Разрыв между «эгалитарной культурой отцовства» и прежними, менее современными моделями поведения приводит к:

значительной части «физически присутствующих», но «функционально отсутствующих» отцов;

обострению супружеских конфликтов после рождения детей, поскольку жены и мужа по-разному представляют распределение родительских обязанностей;

увеличению числа отцов – представителей среднего класса, переживающих амбивалентность и чувство вины, поскольку они пытаются соотнести себя с образом «нового» отца, пропагандируемого в США, но у них не всегда это получается⁵⁹.

⁵⁸ Plek, J. (1987). American fathering in historical perspective. In M. Kimmel (Ed.), *Changing men: New directions in research on men and masculinity*. Beverly Hills, CA: Sage, P. 88.

⁵⁹ LaRosa, R. (1992). Fatherhood and social change. In M.S. Kimmel, M.A. Messner (Eds.) *Men's Lives*. New York: Macmillan, P. 532.

Социальный конструктивизм предполагает не только изучение «отцовских образов», с которыми индивиды соотносят себя в каждодневной жизни, но и анализ вариативности этих представлений между мужчинами, принадлежащими к разным социальным слоям, этническим группам, имеющим разное образование⁶⁰.

«Передовой, современный» отец наиболее часто встречается среди мужчин США европейского происхождения – представителей среднего класса. Этот образ используется как показатель чувствительности и утонченности мужчин, их готовности разделить идеалы либерального феминизма и удаленности от стереотипов мышления грубого женофоба из среды рабочих. Наряду с идеальным типом «передового» отца сложилось представление об асоциальном, «опасном» родителе, который жестоко обращается с детьми или пренебрегает ими, а также «папочках-неплательщиках», отказывающихся содержать собственных детей. Как правило, в США такой тип отцовства характерен для представителей беднейших слоев населения, рабочих и мужчин неевропейского происхождения.

По мнению представителей *постструктуралистского* подхода при анализе «отцовских образов» упускается из виду многообразие, богатство и изменчивый характер индивидуального опыта отцовства. Образы представляют собой «ограниченный и упрощенный взгляд на то, как мужчины на практике ведут себя в качестве отцов». Иногда обращение к социальному конструктивизму приводит к тому, что «социальное» и «культурное» рассматриваются как нечто отдельное, внешнее по отношению к конкретному индивиду⁶¹.

⁶⁰ Marsiglio, W. (1995). *Fatherhood scholarship: An overview and agenda for the future*. In W. Marsiglio (Ed.), *Fatherhood: Contemporary theory, research, and social policy*. Thousand Oaks, CA: Sage, P. 3.

⁶¹ Lupton, D. and Barclay, L. (1997). *Constructing fatherhood. Discourses and experiences*. Thousand Oaks, CA: Sage, P. 15.

Представители этого направления критикуют традиционные академические исследования, в том числе в изучении отцовства, за отсутствие «эмоционального измерения» и стереотипизацию индивидуального опыта.

Постструктуралистский подход оперирует, в частности, понятиями дискурса и власти. Субъективность формируется из совокупности изначально заданных дискурсов, которые циркулируют как в обществе в целом, так и в специфическом социальном контексте, «ближайшем социальном окружении» индивида. Кроме того, они считают, что «рассматривать мужчин, как «угнетателей» женщин при решении семейных, трудовых и прочих вопросов, значит смотреть на вещи упрощенно. И мужчины, и женщины активно участвуют в воспроизводстве доминирующих дискурсов и моделей поведения в сфере родительства, а также хорошо осознают их противоречия и иногда пытаются видоизменить их»⁶². Отцовство – динамическое состояние, считают сторонники этого подхода. Даже на протяжении жизни одного человека содержание и проявление маскулинности, в том числе и содержание отцовской идентичности, может изменяться, а, кроме того, не согласовываться внутриличностно. Исследования, основанные на таком подходе, достаточно трудоемки и возможны, например, при условии применения лонгитюдных или ретроспективных методов.

Каждая из приведенных теорий обладает своими возможностями для изучения и интерпретации трансформации материнства и отцовства в современном обществе.

§ 3. Культурно-исторические аспекты российского родительства

Анализ социальных аспектов родительства в современной России имеет смысл предварить хотя бы кратким

⁶² Ibid, P. 21.

рассмотрением культурно-исторических предпосылок. На мой взгляд, оригинальная, хотя, и спорная точка зрения высказана В.Н. Дружининым, причем она подтверждается рассуждениями ряда других авторов. «Выбор православие делает в пользу «божественной» семьи, а не Святого семейства (Иисус, Иосиф-Обручник, Мария). Доминирует в триаде Бог-отец... Возникает ощущение его незримого присутствия в мире, но нет его конкретного облика... Сын психологически ближе к матери, чем к отцу, и мать также ближе к сыну, чем к отцу... Причем (вот сила стереотипа христианской семьи), под ребенком всегда подразумевается сын, а не дочь»⁶³. «Воспитание девочки в русской православной семье – воспитание будущей мамы, воспитание девочки в западно-христианской семье – воспитание будущей жены, даже не столько жены, сколько Прекрасной Дамы. И лишь протестантская среда готовит девушку к роли деловой женщины, конкурентки мужчины на почве экономической деятельности, а позже и в других сферах жизни»⁶⁴. Таким образом, по мнению автора, культ материнства в российской культуре, заложен в православной традиции. И, вероятно, акцент на роль женщины в качестве матери в советское время (на что указывают ученые, применяющие гендерную теорию к условиям России⁶⁵), имеет более глубокую культурную традицию, чем советская идеология.

В последнее десятилетие на Западе ведется много дискуссий о размывании «традиционных» ролей мужа-добытчика, с одной стороны, женщины-матери и домохозяйки, с другой. Однако, учитывая исторический контекст, необходимо иметь в виду, что стоит за понятием «традиционное». На Западе под ним подразумевается жесткое

⁶³ Дружинин В.Н. Психология семьи. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 73, 77.

⁶⁴ Там же. – С. 93.

⁶⁵ Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социол. исслед. – 2002. – № 11.

разграничение публичной и частной сфер, возникшее в начале XIX века в эпоху индустриализации и развития рыночных отношений. В это время там формируется средний класс, в частности, класс менеджеров, а также новые образы фемининности и маскулинности. Поскольку экономическое производство стало уходить из домохозяйств, возникла граница между семьей и рабочим местом. Семейная жизнь, включающая работу по дому и заботу о детях, стала сферой женщин. Социальная деятельность за пределами дома, включающая оплачиваемую работу, стала сферой мужчин.

В дореволюционной России фактически не успела сложиться буржуазная семья с жестким разделением сфер для мужа и жены. В то же время разделение материнских и отцовских ролей существенно различалось в зависимости от социального слоя.

Как отмечают историки, в целом в отношениях родителей и детей господствовал дух рабства, часто власть родителей переходила в простой деспотизм, «без нравственной силы». Но, по свидетельствам Н.И. Костомарова, «дети, раболепные в присутствии родителей, с детства приучались насмехаться над ними вместе со сверстниками из слуг»⁶⁶. Низкий социальный статус женщин вплоть до XIX века в определенной мере ограничивал даже их материнские права. «Редко дозволялось ей иметь влияние на детей своих, начиная с того, что знатной женщине считалось неприличным кормить грудью детей, которых поэтому отдавали кормилицам; мать впоследствии имела над ними менее надзора, чем няньки и дядьки, которые воспитывали господских детей под властью отца семейства»⁶⁷.

В крестьянских семьях, по свидетельствам Б.Н. Миронова, «до 7 лет дети воспитывались исключительно матерями, но с 7 лет мальчики постепенно переходили под наблюдение отца, передававшего им навыки и умения, которые необходимо было

⁶⁶ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М.: «Республика», 1992. – С. 206.

⁶⁷ Там же. – С. 201.

знать крестьянину, а девочки оставались под надзором матери. Обучение трудовым навыкам стояло на первом месте. Целью воспитания являлось развитие страха Божьего, покорности родителям, церкви и властям»⁶⁸. Народная педагогика признавала принуждение и насилие нормальными и важными формами воздействия на непослушных. Семейные отношения крестьян несколько гуманизировались только в конце XIX – начале XX века под воздействием городских нравов, отходничества, коммерциализации хозяйства, более активного вовлечения женщин в хозяйственную деятельность.

В городских семьях купцов, мещан, ремесленников дети находились в полном подчинении у родителей, с раннего детства помогали им по хозяйству, а когда вырастали, включались в семейное дело отца⁶⁹. Родительские роли в этой среде были практически такими же, как и у крестьян.

В дворянских семьях эмоциональные связи между супругами обычно отсутствовали, так как брак являлся соглашением родительских семей. «Между матерями и дочерьми и между отцами и сыновьями также было мало любви, преобладали отношения идентификации и руководства. Сразу после рождения ребенок переходил на попечение кормилицы и няnek. С 5 – 7 лет к нему приставляли учителей и гувернеров, позднее дети поступали в учебные заведения в стране или за границей, часто закрытые»⁷⁰. Часто и матери и отцы в дворянских семьях мало занимались детьми. Приведу лишь один пример: «Родители Пущина мало могли заниматься своими детьми. Отец его, человек пылкий и суровый, был интендант флота и недавно назначен в Сенат. Несчастные страсти мешали ему. Любовь к женщине низкого состояния была причиной его отдаления от семьи и детей. Мать

⁶⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XV111 – начало XX в.). Т. 1. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – С. 238.

⁶⁹ Там же. – С. 225.

⁷⁰ Там же. – С. 258.

помешалась и жила взаперти, не выходя из комнаты»⁷¹. Вероятно, отстранение от всех возможных сфер самореализации, в том числе материнства, и привело несчастную женщину к душевной болезни. Жены обычно находили компенсацию супружеского отчуждения, по крайней мере, «в любви к сыновьям, но не к дочерям. Матерям было предписано наставлять, учить дочерей, но не любить. Мужчины, которым позволяли средства, находили выход в бигамии, другие – в интимных связях с крепостными девушками»⁷².

Во второй четверти XIX века в русском образованном обществе распространяются либеральные идеи ценности личности, любви, эмансипации женщин и детей. «Особенно сильно изменились отношения между матерями и дочерьми. Лишенные возможности найти применение своим силам на общественном поприще, образованные дворянские женщины стали активно заниматься воспитанием и образованием своих дочерей, так как образование мальчиков по традиции было прерогативой отцов и выбранных последними домашних учителей и учебных заведений»⁷³. Дворянство отказывалось и от традиционных русских обрядов, перенимая европейские ритуалы семейной жизни.

Ослабление власти и авторитета отца в семье воспринималось неоднозначно. Например, Ф.М. Достоевский в 1876 г. следующим образом описывает кризис отцовской воспитательной роли: «...случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующих их между собой, в которую они бы сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь...». Но вместо этого «или во-1-х, поголовное и сплошное отрицание прежнего (но зато лишь

⁷¹ Тынянов Ю. Пушкин. – Минск: Наука и техника, 1979. – С.227.

⁷² Миронов Б.Н., 1999, – С. 259.

⁷³ Там же. – С. 261.

отрицание и ничего положительного); во-2-х, попытки сказать положительное, но не общее и связующее, а, сколько голов, столько умов – попытки, раздробившие на единицы и лица, без опыта, без практики, даже без полной веры в их изобретателей. Попытки эти иногда даже и с прекрасным началом, но невыдержанные, незаконченные, а иногда и совсем безобразные, вроде огульного допущения всего того, что прежде запрещалось, на основании принципа, что все старое глупо, и даже до самых глупейших выходов, до позволения, например, курить табак семилетним детям. Наконец, в 3-х, ленивое отношение к делу, вялые и ленивые отцы, эгоисты: «Э, пусть будет то, что будет, чего нам заботиться, пойдут дети, как и все, во что-нибудь выровняются, надоедают только они очень, хоть бы их вовсе не было!»... Но есть и теперь много совсем не ленивых, а очень даже прилежных отцов. Большею частью это отцы с идеями. Один, наслушавшись, положим, весьма даже неглупых вещей и, прочтя две-три умные книги, вдруг сводит все свое воспитание и все обязанности свои к семейству на один бифштекс: «Бифштекс с кровью и, конечно, Либих, дескать» и т.д. Другой, причестнейший человек сам по себе, в свое время даже блиставший остроумием, уже согнал три няньки от своих младенцев...Третий, едва пятнадцатилетнему своему мальчишке сам подыскивает уже любовницу...Четвертый, доводит своего семнадцатилетнего мальчика до самых передовых «идей»...что большей частью одно либеральное подхикивание с чужого голоса, и вот ребенок уносит в жизнь, сверх всего, и комическое воспоминание об отце, комический образ его». Но это все о «богатеньких». «Большинство, страшное большинство – ведь все бедные, а потому, при лености отцов к семейству, детки уж в высшей степени оставлены на случайность!...Дети вспоминают до глубокой старости малодушие отцов, ссоры в семействах, споры, обвинения, горькие попреки и даже проклятия на них на лишние рты, и, что хуже всего, вспоминают иногда

подлость отцов, низкие поступки из-за достижения мест, денег, гадкие интриги и гнусное раболепство»⁷⁴.

После революции в период ускоренной индустриализации и урбанизации в города были переселены огромные массы сельского населения, которые сохранили на «новой почве» модели деревенских семейных отношений⁷⁵. Но не найдя в ограниченном пространстве крохотных комнатух и «углов» применения своим трудовым навыкам, мужчины работали за гроши на государство, и фактически устроились от семейной жизни. Женщины, безусловно, были в большей мере вовлечены в частную жизнь, чем мужчины. Но и те, и другие должны и вынуждены были проводить большую часть времени в публичной сфере («вне дома» сказать нельзя, поскольку в городах его у многих фактически не было): причем не только на рабочих местах, но и на всякого рода общественных мероприятиях.

Формирование «нового человека» предполагало незначительную роль родителей. Женщинам предписывалось воспроизводство населения и уход за детьми, а роль «незримого» символического отца, по сути, передается тоталитарному государству. Содержание этой роли, традиционно выполняемое отцом, – авторитет, дисциплина, трансляция ценностей, профессиональное обучение частично реализовывались на уровне идеологических социальных институтов. В советский период собственно одна из важнейших функций родительства – нравственное воспитание, формирование системы моральных ценностей была деформирована. По мнению Б.С. Братуся на месте существовавшего в дореволюционной России духовного нравственного сознания, когда регулятором социального

⁷⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т.23. – Л.: Наука, 1981. – С. 27.

⁷⁵ В повседневности до сих пор понятия «мужик» и «баба» даже в городах используются более широко, чем «мужчина» и «женщина». Я не встречала работ, где бы анализировались современные различия этих гендерных идентичностей.

поведения является не закон (как в случае западного гуманистического уровня), а высшие ценности, фактически возникло группоцентрическое сознание. Родительство же, как считает А.И. Антонов, выродилось в «конформистское следование общественным требованиям и стандартам содержания детей... в имитацию семейной жизни, «показуху»⁷⁶.

Понятно, что каждодневные отношения людей не всегда соответствовали предписаниям и, кроме того, существенно отличались в разных семьях. Необходимо также учитывать, что несколько поколений мужчин и женщин выросли в условиях физического отсутствия отцов, что не способствовало закреплению и трансляции реальных отцовских образцов. Впоследствии даже физическое присутствие отцов в семье часто вовсе не означало его психологическое присутствие⁷⁷. Как показывали исследования 1980-х годов, матери и бабушки осуществляли уход не только за маленькими детьми, но и в гораздо большей мере, чем отцы, занимались с подростками – как с девочками, так и с мальчиками⁷⁸. Только в конце 1980-х годов в научной лексике стал употребляться термин родительство и отцовство. В 1989 г. был принят закон об увеличении отпуска по уходу за ребенком и одновременно о возможности использования этого отпуска

⁷⁶ Антонов А.И. Кризис семьи и родительства // Проблемы родительства и планирования семьи / Отв. ред. А.И. Антонов. – М.: ИС РосАН, 1992.

⁷⁷ В этом смысле советские семьи были похожи на семьи афро-американцев (роль отца ложится на мать, а ее роль в свою очередь выполняет бабушка). Этот вывод был сделан на основании вторичного анализа данных, см.: Гурко Т.А., Босс П. Отношения мужчин и женщин в браке // Семья на пороге третьего тысячелетия / Отв. ред. А.И. Антонов, М.С. Мацковский, Дж.У. Мэддок, М.Дж. Хоган. – М.: Институт социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995, – С. 65; Boss, P.G. & Gurko, T.A. (1993). The relationships of men and women in marriage. In J.W. Maddock, M.J. Hogan, A.I. Antonov, M.S. Matskovsky (Eds.), *Families before and after perestroika: Russian and U.S. perspective*. New York, London: The Guilford Press.

⁷⁸ См. например: Семья и социальная структура / Отв. ред. М.С. Мацковский. – М.: ИСИ АН СССР, 1987.

любим из родителей (как это положение применяется сегодня см. Трудовой кодекс). К разработке законопроекта привлекались эксперты из институтов Академии наук. Впервые дискурс отцовства был вынесен на уровень законодательства. Но культурная традиция, в основе которой не заложено «отцовское» чадолюбие меняется медленно. До сих пор «комитеты и комиссии» на всех уровнях носят название «по делам семьи, женщин и детей».